

L.

НАПОЛЕОНЪ НА ЭЛЬБЪ.

(1815.)

Вечерняя заря въ пучинѣ догорала,
 Надъ мрачной Эльбою носилась тишина ,
 Сквозь шути блѣдныя шихонъко пробѣгала
 Туманная луна;
 Уже на западѣ сѣдой одѣпый мглою
 Съ равниной синихъ водъ сливался небосклонъ:
 Одинъ, во пмѣ ночной надъ дикою скалою
 Сидѣлъ Наполеонъ.
 Въ умѣ губителья пѣснились мрачны думы;
 Онъ новую въ мечтахъ Европѣ цѣпь ковалъ
 И къ дальнимъ берегамъ возведши взоръ угрюмый,
 Свирѣпо прошепталъ:

Вокругъ меня все мерпивымъ сномъ почило,
 Легла въ шуманъ пучина бурныхъ волнъ,
 Не выплыветъ ни уплый въ море чолнъ,
 Ни гладной звѣрь не взвоепъ надъ могилой —
 Я здѣсь одинъ, мяшежной думы полнъ...
 О скоро ли, напѣнясь подъ рулями,
 Меня помчишь покорная волна ,
 И спящихъ водъ прервѣтся тишина?...
 Волнуйся, ночь, надъ Эльбскими скалами!
 Мрачиѣ пимись за шучами, луна!
 Тамъ ждупъ меня безспрашныя дружины ;
 Уже сошлись, уже сомкнуты въ спрой!

Ужь міръ лежитъ въ оковахъ предо мной!
 Прейду я къ вамъ сквозь черныя пучины
 И гряну вновь погибельной грозой!
 И вспыхнешъ брань! за Гальскими орлами
 Съ мечемъ въ рукахъ побѣда полетишь,
 Кровавой шокъ въ долинахъ закипишь,
 И проны въ прахъ низвергну я громами,
 И сокрушу Европы дивной щипъ! . . .

Но вкругъ меня все мерпымъ сномъ почило,
 Легла въ шуманъ пучина бурныхъ волнъ,
 Не выплывешъ ни уплый въ море чолъ,
 Ни гладный звѣрь не взвоепъ надъ могилой —
 Я здѣсь одинъ, мяпежной думы полнъ . . .

О щаспье! злобной обольститель,
 И ты, какъ сладкой сонъ, скрылось опть очей,
 Средь бурей тайный мой хранитель
 И вѣрной пѣспунъ съ юныхъ дней!
 Давноль невидимой спезею
 Меня ко широну ты вело ,
 И скрыло дерзоспной рукою
 Въ вѣнцахъ лавровое чело !
 Давно ли съ препепомъ народы
 Несли мнѣ робко дань свободы,
 Знамена чеспи преклоня ,
 Дымились громы вкругъ меня,
 И слава въ блескѣ надъ главою
 Неслась, прикрывъ меня крыломъ? . . .
 Но шуча грозная нависла надъ Москвою,
 И грянулъ меспи громъ! . . .

Полнощи Царь младой! — ты двигнуль опол-
ченья

И гибель вслѣдь пошла кровавымъ знаменамъ,

Опозвалось могущаго паденье,

И миръ землъ и радость небесамъ,

А мнѣ — позоръ и започенье!

И раздробленъ мой звонкой щитъ,

Не блещепть шлемъ на полѣ браней;

Въ прибрежномъ злакѣ мечъ забытъ

И пускнепть на шуманѣ.

И тихо все кругомъ. Въ безмолвіи ночей

Напрасно чудимся мнѣ смерти завывање

И спукъ блистающихъ мечей,

И падшихъ яroe спенанье —

Лишь плещущимъ волнамъ внимаетъ жадной
слухъ;

Умолкъ сраженій кликъ знакомый,

Вражды кровавой гаснущъ громы

И факель мщенія попухъ.

Но близокъ часъ! грядетъ минуша роковая!

Уже лепить ладья, гдѣ грозный пронъ сокрытъ,

Кругомъ простерла мгла густая,

И взоромъ гибели сверкая,

Блѣднющій мяшежъ на палубѣ сидишъ. —

Спрашивись, о Галлія! Европа! мщеніе, мщеніе!

Рыдай — твой бичъ возспаль — и все падеть
во прахъ,

Все сгibнетъ — и тогда, въ всеобщемъ разру-
шеньѣ

Царемъ возсяду на гробахъ!

Умолкъ — на небесахъ лежали мрачны тѣни,
И мѣсяцъ, дальнихъ пучь покинувъ пемны сѣни,
Дрожащій, слабой свѣтъ на западъ изливалъ —
Восточная звѣзда играла въ океанѣ
И зреяла ладья, бѣгущая въ шуманѣ
Подъ сводомъ Эльбскихъ грозныхъ скалъ. —
И Галлія тебя, о хищникъ, осѣнила ;
Побѣгли съ препетомъ законные Цари —
Но зришь ли? гаснешь день; мгновенно тьма
сокрыла

Лице пылающей зари,
Простерлась тишина надъ бездною сѣдою,
Мрачится неба сводъ, гроза во мглѣ виситъ,
Все смолкло . . . трепещи! погибель надъ побою,
И жребій твой еще сокрытъ!

Ал. Пушкинъ.

LI.

МОЛИТВА РУСКАГО НАРОДА.

Боже, Царя храни!
Славному долги дни
Дай на земли!
Гордыхъ смиришь, —
Слабыхъ хранишь,
Всѣхъ упѣшишь —
Все ниспошли!

Жуковскій.
